

— Надеюсь, вы понимаете, что в то время состояние отца уже не позволяло ему справляться с делами, и присутствие господина Чжана оказалось как нельзя кстати.

Сказав это, Гу Пин дала понять, что продолжать разговор нет смысла. Сун Чжиянь лишь холодно усмехнулся и повесил трубку.

Между ним и отцом не было ничего похожего на настоящие чувства. Тот всю свою жизнь посвятил Корпорации Сун, и для него Сун Чжиянь был не столько родным сыном, сколько выбранным подчинённым, которому предстояло унаследовать семейное дело. Отец прекрасно понимал: если передать компанию Гу Пин и её никчёмному младшему сыну, все его труды пойдут прахом. Поэтому он предпочёл отдать всё в руки того, кому доверял, лишь бы не видеть, как компания гибнет на глазах у бездарных наследников.

Даже если бы не было Чжан Цзиньсяо, нашёлся бы кто-то другой, кто присматривал бы за ним. Но если один делал это ради денег и вознаграждения, то второй, ничего не зная, по глупости отдавал всё своё сердце.

В глазах старика первый вариант, естественно, был куда практичнее. Это позволяло создать видимость, будто его здоровье настолько слабо, что он уже ни во что не вникает, и заставить Гу Пин ослабить бдительность, временно оставив управление компанией за ней. А заодно — окончательно усыпить её подозрения, чтобы даже после его смерти она не рискнула пойти на крайние меры против Сун Чжияня, который для неё и так не представлял угрозы, тем самым выиграв время для его пробуждения.

Всё было продумано, всё подготовлено. Вот только Сун Чжиянь совсем не оценил этих усилий. Ему было невыносимо жаль Чжан Цзиньсяо, который десять лет безропотно сносил лишения, и... до боли в сердце обидно за него.

7. Пушечное мясо

Погода стояла на редкость чудесная. Солнце ласково грело, а в воздухе, смешиваясь с лёгким ветерком, разливался сладковатый аромат цветов и трав — дышалось необычайно легко.

Чжан Цзиньсяо ещё с утра распахнул шторы и открыл дверь на маленький балкон. Одеяло, перекинутое через перила, с наслаждением нежилось в лучах солнца — казалось, можно было услышать, как внутри него довольно поскрипывает хлопок.

Сун Чжиянь, наконец-то выписавшийся из больницы, чинно сидел на стуле. Его ноги, которые «ещё не могли полноценно ходить», были укрыты пледом. Он подпирал рукой щеку в ожидании ароматной тыквенной каши. Хотя эту кашу он ел уже полмесяца, Чжан Цзиньсяо готовил её мастерски и постоянно менял рецепты. Даже если бы Сун Чжиянь когда-то не пробовал в отчаянном положении плесневелые лепёшки, которые казались деликатесом, даже тот, прежний «молодой господин Сун» до попадания в Мир Сансары, вряд ли нашёл бы к чему придраться.

Несмотря на выписку, Чжан Цзиньсяо последние дни уходил из дома очень рано. Он едва успевал позаботиться о Сун Чжиянь, приготовить завтрак, и зачастую даже не мог составить компанию за столом, торопясь по делам. Поскольку ноги Сун Чжияня (теоретически) требовали трости для передвижения, Чжан Цзиньсяо, конечно, не мог оставить его одного без присмотра и даже планировал нанять сиделку, чтобы та помогала с бытом и реабилитацией.

Сун Чжиянь, разумеется, отказался. С горем пополам ему удалось отговорить парня, пообещав, что будет беречь себя, а все массажи и упражнения они оставят на вечер, когда Чжан вернётся. Добившись своего, Сун Чжиянь не мог не жалеть вечно занятого, сбивающегося с ног Чжан Цзиньсяо, и тайком размышлял, не ускорить ли процесс восстановления ещё сильнее.

Сун Чжиянь: ...А не слишком ли это будет подозрительно? Вдруг заберут на опыты? Ему-то плевать, но Чжан Цзиньсяо этого не переживёт.

Пока Сун Чжиянь предавался этим «сладким заботам», раздался дверной звонок.

В это время дня это точно не мог быть Чжан Цзиньсяо, к тому же он никогда не стал бы звонить в дверь, чтобы ему открыли. Улыбка на губах Сун Чжияня мгновенно исчезла, в глазах не осталось и тени нежности. Бросив взгляд на трость, стоявшую у стула, он медленно усмехнулся, отбросил плед, встал с инвалидной коляски и, сделав несколько широких шагов, распахнул дверь.

Увидев, что дверь внезапно открылась и перед ними стоит Сун Чжиянь, глядя на них сверху вниз, Гу Пин изменилась в лице и судорожно вздохнула. Хотя Сун Чжоу предупреждал её, что ноги Сун Чжияня, возможно, восстановились, она лично консультировалась с врачами. Вернуть способность ходить человеку, который почти десять лет пролежал оловом, всего за два месяца — это же небылица! Даже без медицинского образования любой здравомыслящий человек понимал, насколько это невероятно.

Но факт оставался фактом: Сун Чжиянь не просто выглядел бодрым, он стоял в дверях без малейшего напряжения.

Разве это похоже на результат двухмесячной реабилитации? Даже у тех, кто лечился годами, порой не было такого прогресса.

Глядя на ошеломлённую Гу Пин и её вечно дрожащего пухлого сына, Сун Чжиянь слегка приподнял уголки губ. Хотя он не произнёс ни слова, одного этого взгляда и горделивой осанки было достаточно, чтобы увидеть в нём того самого своенравного, высокомерного молодого господина Сун, каким он был всегда.

Гу Пин представляла себе многое: возможно, Сун Чжиянь будет выглядеть измождённым после тяжёлого лечения или подавленным от бесконечных упражнений. Но она никак не ожидала увидеть эту холодную надменность.

Всё как десять лет назад. Тот же взгляд ребёнка, который смотрел на неё, словно на шута горохового. Ни приветствия, ни раздражения — лишь полное презрение. Он тогда просто посмотрел на них с полуулыбкой и молча ушёл наверх. И отец, как всегда, не проронил ни слова.

— О, это вы. Давненько не виделись, — голос Сун Чжияня звучал вежливо, но в нём не было ни капли уважения.

Гу Пин крепко сжала кулаки, её лицо исказилось. Это высокомерие напомнило ей о том унижении, которое она пережила много лет назад. Тогда она не столько мечтала о семейном счастье, сколько стремилась занять своё место, но тот взгляд и безразличие отца Сун выжгли в ней все девичьи грёзы, оставив лишь жажду власти и богатства.

Гу Пин глубоко вдохнула, но в душе холодно усмехнулась: сейчас вся Корпорация Сун в её руках, что может сделать этот выскочка?

Она поправила выбившуюся прядь волос и мягко улыбнулась:

— Не пригласишь войти?

Сун Чжиянь насмешливо хмыкнул — надо же, какая наглость, — но всё же отступил, пропуская их.

Войдя в дом, Гу Пин первым делом заметила инвалидное кресло и трость, но, увидев, с какой лёгкостью он передвигается, тут же засомневалась в словах врача.

А Сун Чжоу тем временем уже вовсю осматривался, пытаясь кого-то найти.

— Если ищете А-Сяо, то он ушёл, — в голосе Сун Чжияня отчётливо слышалось недовольство.

Сун Чжоу, получив от матери тычок в бок, болезненно поморщился и поспешил замолчать.

— Я узнала, что ты поправился, и пришла навестить тебя. Все эти годы я была так занята делами компании, что чувствовала себя виноватой.

— О, не стоит тратить слова на пустые любезности, — Сун Чжиянь постучал пальцами по краю стола. — Тем, что за эти годы вы не устроили мне «несчастный случай» в больнице, я уже искренне благодарен.

К счастью, Гу Пин и не рассчитывала на сыновью почтительность. Раз уж Сун Чжиянь заговорил прямо, она решила не ходить вокруг да около:

— Раз ты пришёл в себя, компания, безусловно, должна перейти к тебе. Но ты пролежал в коме

десять лет, тебе нельзя переутомляться. Пока что делами продолжу заниматься я, а когда поправишься, вернёшься. Ты ведь умный человек и всё понимаешь.

Вернуться? Вернуться, чтобы стать номинальным директором без реальной власти?

Сун Чжиянь безразлично усмехнулся, взял со стола стакан. Вместо ожидаемого ею гнева, он просто кивнул:

— Хорошо. Я только что оправился от болезни и не хочу ни во что вникать. Жизнь коротка, надо уметь радоваться моменту.

Глядя на его улыбку, Гу Пин растерялась. Она пыталась найти хоть намёк на скрытое недовольство или гнев, но ничего не обнаружила. Это было похоже на удар по вате. Она натянуто улыбнулась:

— Рада, что ты всё правильно понял.

Независимо от того, искренне он это сказал или нет, Гу Пин решила сделать жест доброй воли:

— Вот тебе дополнительная карта. Ты после болезни, негоже тебе ютиться в таком месте, нужно как следует восстановиться.

Десять лет назад Сун Чжиянь, скорее всего, швырнул бы эту карту ей в лицо, настолько противна была её фальшивая улыбка. Но теперь он лишь легко принял подарок. В конце концов, после того как он впал в кому, эта женщина наверняка выкачала из его счетов немало денег. Эта сумма была лишь жалкой долей процента от того, что она присвоила.

— Раз уж вы так искренни, то и я должен ответить вам тем же, — Сун Чжиянь, улыбаясь, достал из кармана кредитку. Присмотревшись, можно было узнать ту самую карту, которой он расплачивался за одежду.

Гу Пин не успела понять, что происходит, как Сун Чжоу за её спиной подскочил на месте:

— Почему эта карта у тебя?! Я же отдал её Чжан Цзиньсяо!

На губах Сун Чжияня заиграла зловещая улыбка.

Лицо Гу Пин исказилось от ярости, она схватила своего непутёвого сына за руку, почернев от гнева.

— Я пошла на уступки, так что требую взамен искренности. Если я узнаю, что он снова посмеет посягнуть на моих людей, всем нам будет несладко, вы понимаете?

Гу Пин чувствовала, как пылает лицо от этих слов. Она потащила за собой сына, который от

страха был готов разрыдаться, и холодно бросила:

— Благодарю за напоминание.

Дверь с грохотом захлопнулась. Сун Чжиянь насмешливо усмехнулся. Зажав карту между пальцами, он с лёгким движением запястья метнул её в стену — та вошла в штукатурку на добрую треть.

Десять лет — это, пожалуй, слишком долгий срок. Женщина забыла, как дрожала перед ним раньше, пришлось напомнить. Смешно.

— И ведь даже не понимает, в чём проиграла.

Однако мир полон сюрпризов.

Секунду назад Сун Чжиянь с презрением думал о женщине, помешанной на власти, но вдруг о чём-то вспомнил. Его лицо переменилось, он судорожно вздохнул, бросился к стене, где торчала карта, и поспешно вытащил её.

Карта-то вышла, но на стене остался глубокий, заметный след.

Сун Чжиянь: ...И как это объяснить?

Провозившись полдня и не найдя способа заделать дыру без инструментов и магических сил, он молча достал телефон и написал пост в соцсетях.

Сун Чжиянь:

Как смертному без затрат заделать дыру в стене? [фото повреждённой стены.jpg]

Хуа Ба: Могу подсказать сто один способ сломать стену, моя жена — ещё тысячу один. А заделать? Ты серьёзно?

У Хун: Опять играешь в симулятор выживания? Ролевые игры в строителя? Вроде же в медовый месяц собирались?

Ло Фанфан: Силой мысли, босс. Или просто поспи :)

Жители Мира Сансары: %%%&#&...

8. Обида

Сун Чжиянь, просидев полдня в соцсетях и прочитав кучу бреда от идиотов, с бесстрастным

лицом закрыл приложение, чувствуя невероятный стыд за то, что вообще решил спросить совета в таком месте. Подумав, он решил сделать вид, что ничего не случилось, и сел на место.

Посуда на столе всё ещё стояла немытой. Хотя Чжан Цзиньсяо просил подождать его, Сун Чжиянь считал, что даже если его ноги не в лучшем состоянии, это не повод превращаться в беспомощного инвалида.

Прибравшись, он достал новый ноутбук, купленный Чжан Цзиньсяо, и равнодушно установил пару программ.

Хотя технологии в разных мирах были похожи, а в Пространстве Сансары можно было найти что угодно, в этом мире он отсутствовал целых десять лет. Многие аккаунты были удалены, ненужные пришлось регистрировать заново. Лишь в некоторых банковских приложениях и крупных финансовых системах «внезапно пропавший» десять лет назад клиент снова вышел на связь.

Бегло просмотрев состояние рынков и акций, Сун Чжиянь закрыл вкладки и открыл поисковик, чтобы найти новости о Чжан Цзиньсяо.

Он не расспрашивал самого Чжана не потому, что не хотел знать, а потому, что не желал заставлять того ворошить неприятные воспоминания ради удовлетворения своего любопытства. А обтекаемые ответы Чжана его не устраивали.

Возможно, новости были преувеличены или поданы в искажённом свете ради сенсации, но именно это позволяло Сун Чжияню лучше понять, в каком положении все эти годы находился Чжан Цзиньсяо.

Чжан Цзиньсяо, конечно, не знал, что Сун Чжиянь занимается тем, чем обычно занимаются фанаты-неадекваты. А та парочка, которую он только что выставил за дверь, и подавно.

Сейчас Гу Пин сидела за столом с почерневшим лицом, а её «колобок» Сун Чжоу стоял на коленях, слёзно вымаливая прощение. Но приёмы, которые раньше безотказно работали на мать, на этот раз лишь разозлили её ещё сильнее.

Гу Пин с силой ударила по столу — стакан на нём жалобно звякнул, а пухлые щеки Сун Чжоу задрожали.

— Я, Гу Пин, всю жизнь боролась, всегда стремилась быть первой, всегда хотела лучшего. Как я могла родить такого никчёмного сына?!

— М-может, это потому, что вы слишком сильная, и я всё у вас «вытянул»? — Сун Чжоу попытался пошутить, но от этого Гу Пин захотелось его придушить.

— Что ты несёшь? Ты меня обвиняешь?!

Обычно мать была строга, но до такой потери рассудка не доходила. Она выглядела как разъярённая мегера. Сун Чжоу мысленно взвыл, но сказать ничего не посмел: во-первых, боялся, что у неё случится удар, а во-вторых, понимал, что прежде чем это случится, она успеет его прибить.

Пока Сун Чжоу дрожал, Гу Пин подошла к нему и хотела погладить по лицу, но, увидев её пальцы с ярко-красным лаком, Сун Чжоу невольно отпрянул, вспомнив, как она била его в детстве.

В этот момент у Гу Пин, всегда державшейся как железная леди, вдруг покраснели глаза. Она отдернула руку, словно обожглась, вернулась на стул и, глубоко вздохнув, запрокинула голову, пытаясь сдержать слёзы. Но печаль есть печаль — кто из людей способен избежать чувств?

Сун Чжоу растерялся. Он никогда не видел мать такой. Она всегда казалась женщиной, которой не ведом страх и которая никогда не теряет самообладания. А теперь... она была такой несчастной.

Даже Сун Чжоу, который до этого никогда не каялся, почувствовал страх.

— Мам, прости, я не прав. Не плачь, я буду слушаться.

— Мой хороший Чжоу-Чжоу, ты же знаешь, что всё это я делаю для тебя. Богатство, власть — всё это будет твоим. У тебя будет всё, что захочешь. Кто такой Чжан Цзиньсяо? Он ведь только и думает, что о Сун Чжияне, он — лишь объедки со стола твоего холодного брата! Да и есть ли в его сердце хоть капля места для тебя? Мой мальчик, ты достоин лучшего. Погоди немного, как только я разберусь с твоим высокомерным братом, всё станет твоим.

— Но брат... то есть, Сун Чжиянь, разве он не сказал, что ему не нужна компания?

— Ты и в это веришь? Такие, как он, просто знают, что сейчас не могут со мной тягаться, поэтому затаились. Я с первого взгляда поняла — у него глаза волка, он никогда не смирится. Жалею только об одном: что не позволила ему умереть тогда, иначе не было бы сейчас столько проблем.

Сун Чжоу смотрел на мать с красными глазами, охваченную безумием, и чувствовал, как внутри всё холодеет.

...

Чжан Цзиньсяо вернулся довольно поздно. В этот раз он не принёс овощи из супермаркета, а принёс готовую еду в контейнерах. Расставляя их на столе, он сказал:

— Сегодня задержался, не успел приготовить. Я спрашивал врача, он сказал, что ты отлично восстанавливаешься и можешь переходить на обычную пищу, поэтому я купил что-то в ресторане.

<http://bllate.org/book/19085/1874245>